

Когда Хэ Ян прибыл на площадку, за окном уже дышала ранняя зима: воздух был пронзительно свеж, пахло морозной хвоей и влажной землёй, но Юньчэн, город вечной весны, встретил его мягким теплом. Декабрь здесь лишь слегка остудил атмосферу, опустив температуру на пару градусов, поэтому достаточно было набросить на плечи тонкий кашемировый свитер, чтобы чувствовать себя уютно среди ярко-красных камелий, чьи лепестки, тяжёлые от росы, сияли под бледным зимним солнцем.

Хэ Яну досталась роль в новом историческом фэнтези «Легенда о Демоническом Владыке», очередном проекте, адаптированном из жанра даньмэй. История строилась на контрасте двух судеб: дерзкого, гениального Ли Сяояо, чей клан пал жертвой предательства, и ледяного наследника демонической секты Вэнь Сичэня, чьё молчание скрывало бурю чувств. Их пути пересеклись ещё в детстве, а годы спустя, спасаясь от мести, Ли Сяояо нашёл убежище в стенах поместья Вэнь Сичэня, где под защитой холодного на вид мужчины учился боевым искусствам, дразнил хозяина и, сам того не ведая, пленил его сердце. Узнав позже о существовании у Вэнь Сичэня невесты, юноша в панике бежал, сорвался со скалы и исчез на десять лет, вернувшись лишь затем, чтобы сеять ужас среди мастеров боевых искусств; однако Вэнь Сичэн всё это время искал его, нашёл раненого и вернул домой, где открылась горькая правда — этот сдержанный мужчина любил его более десятилетия, и вместе они отомстили за прошлое, растворившись в Долине Персиковых Цветов.

Сценарий был захватывающим, обещающим огромный успех и статус топ-звезды тому, кто сумеет воплотить эти образы. Но Хэ Яна совершенно не волновала перспектива стать идиолом миллионов. Он снимался исключительно ради любви к искусству, наслаждаясь каждым моментом творчества. У него уже было всё, о чём можно мечтать: любящий муж, чудесный сын и тихое семейное счастье, которое вызывало зависть у окружающих.

Всё остальное казалось ему преходящим и незначительным, однако судьба преподнесла сюрприз, от которого у Хэ Яна перехватило дыхание: партнёром по площадке оказался не кто иной, как Лу Тинфэн, который приближался к нему, облачённый в глубокие, почти чёрные древние одежды из плотного шёлка. Ткань тяжело и благородно струилась вдоль его статной фигуры, подчёркивая широкие плечи и узкую талию, а при каждом шаге издавала тихий, шелковистый шорох, разнося по пустому павильону едва уловимый запах сандалового дерева, исходивший от старинной вышивки. Хэ Ян замер, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а мир вокруг сужается до одной точки — до глаз мужа, в которых плясали знакомые, тёплые искорки насмешки.

Лу Тинфэн подошёл ближе, ласково ущипнул его за нос и спросил с игривой улыбкой:

— Ну что? Сильно удивлён?

Хэ Ян лишь кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Мне претила мысль о том, что моя жена будет строить глазки другому мужчине перед объективами камер, — произнёс Лу Тинфэн, небрежно поправляя широкий рукав своего ханьфу; его голос звучал ровно, но в нём сквозила собственническая нотка, — поэтому я решил занять это место сам, так мне будет спокойнее.

«Какой же ты собственник», — мелькнуло в голове у Хэ Яна, но вместо раздражения в груди разлилось тёплое, сладкое чувство, ведь он понимал: за этим капризом скрывалась не просто ревность, а желание быть рядом, защищать и принадлежать друг другу даже в вымышленном мире.

— Не смей недооценивать мои таланты, — усмехнулся Лу Тинфэн, читая растерянность на лице мужа, — ведь я родился в мире кино, где закулисье, репетиции и свет софитов были моим детским садом, а последние месяцы я посвятил интенсивным тренировкам с лучшими педагогами; я хотел преподнести тебе сюрприз, но, глядя на твоё ошалевшее лицо, понимаю: вышел скорее шок, или я ошибаюсь?

— Н-нет... вовсе нет, — пробормотал Хэ Ян, пытаясь собрать мысли в кучу. — Просто... почему ты не сказал мне раньше? Мы могли бы вместе репетировать дома!

— Ммм, сейчас тоже можем, — хмыкнул Лу Тинфэн.

Он гордо вскинул подбородок, демонстрируя свой фирменный аристократичный профиль, и направился в гримёрную, оставляя Хэ Яна стоять посреди площадки в полном ступоре.

Лу Тинфэн всегда был невероятно красив. Несмотря на то что его семья владела медиа-империей, он никогда не проявлял интереса к актёрской карьере, предпочитая оставаться в тени бизнеса. Тем не менее, его внешность постоянно привлекала внимание скаутов, предлагавших контракты на дебют. И вот теперь, спустя столько лет, он стоял здесь, готовый сыграть главную роль рядом с мужем. Сама мысль об этом будоражила кровь.

Роль Ли Сяояо, доставшаяся Хэ Яну, требовала живости, озорства и эмоциональной открытости. Лу Тинфэн считал, что эта роль подходит мужу как нельзя лучше. Прежде Лу Тинфэн видел в Хэ Яне лишь тихого, покорного юношу, склонного к самопожертвованию, но стоило им вновь разделить одну постель, как маска спала, обнажив настоящего Хэ Яна — живой огонь, игривый, дерзкий и порой невыносимо капризный, напоминающий дикую розу: прекрасную, ароматную, но готовую больно уколоть любого, кто попытается сорвать её без спроса, и именно эта непредсказуемость, эта скрытая сила делали его абсолютно неотразимым в глазах мужа.

Ещё задолго до начала съёмок Лу Тинфэн узнал от брата, Лу Тинхао, что Хэ Ян утверждён на главную роль. Он засыпал брата вопросами о сюжете, характере персонажей и, главное, о том, кто будет играть второго главного героя. Терпение старшего брата иссякло, и Лу Тинхао резко оборвал его словами о том, что если того так бесит мысль, что кто-то другой будет касаться его мужа на экране, то почему бы ему самому не встать на это место; эти слова упали, как камень в воду, вызвав рябь озарения, отчего Лу Тинфэн хлопнул себя по лбу, проклиная собственную слепоту: «Как я мог не додуматься до этого раньше?»

Не теряя времени, он обратился к брату с просьбой позволить ему сыграть Вэнь Сичэня. Лу Тинхао откинулся на спинку кожаного кресла, которое жалобно скрипнуло под его весом, и пристально посмотрел на брата поверх стакана с виски. В кабинете пахло дорогим табаком и

старой бумагой.

— Этот проект требует огромных инвестиций, — произнёс он ледяным тоном. — Если ты хочешь разорить нашу компанию своим непрофессионализмом, скажи сразу. Я подготовлю документы о банкротстве. Будет весело.

— Брат, поверь мне, — настаивал Лу Тинфэн, глядя ему прямо в глаза. — Мои актёрские данные вполне достойны. Я не подведу.

— Хорошо, — смягчился Лу Тинхао. — Я найму тебе лучшего преподавателя. Будешь заниматься с ним каждый день. Если через месяц учитель скажет, что ты готов, роль твоя. Если нет — забудь об этой затее навсегда и возвращайся в офис.

На самом деле, Лу Тинфэн не лукавил: пусть его техника и уступала профессионалам школы, в нём жила та редкая естественность, что требовалась образу Вэнь Сичэня, ведь, не будучи актёром по образованию, он владел главным инструментом — эмпатией, не играя любовь, а проживая её. В тот миг грань между реальностью и вымыслом истончилась, став прозрачной, как утренний туман над рекой: Хэ Ян растворился в Ли Сяояо, а Лу Тинфэн — в Вэнь Сичэне, позволив их настоящей, живой любви стать кровью и плотью этой истории. Каждый кадр отныне обещал стать не игрой, а самым искренним признанием, которое только можно было сделать перед лицом вечности.

<http://bllate.org/book/16098/1613309>